

«Где Вы жили, Соломон?»

ЭТУ КНИГУ нельзя рекламировать, потому что у нее и так нет шансов залежаться на лотках и в книжных магазинах. Еще бы — услышать живую речь Бродского! Разговоры велись на протяжении почти полутора десятков лет и охватывают практически все темы: от суда над Бродским и пребывания его в тюрьме и ссылке до отношений с ныне живущими и умершими поэтами. Есть цельные истории вроде безумной попытки в молодости угнать самолет за границу или помощи Александру Годунову, танцору Большого театра. Есть рассказы о путешествиях, о любимой Венеции, о жизни в Питере и в Нью-Йорке, о получении Нобелевской премии и о встречах и разговорах с Ахматовой. Множество тем, умело интонированных собеседником, нередко натыкаю-

щимся на живую реакцию Иосифа Александровича. Например, когда старается уточнить эпизод пребывания поэта в ленинградских «Крестах», как выглядела его камера, какого была размера:

Бродский: Если не ошибаюсь, восемь или десять шагов в длину. Примерно как эта моя комната здесь, в Нью-Йорке, но уже в два раза. Что же в ней было? Тумбочка, умывальник, очко. Что еще? Волков: Что такое — «очко»? Бродский: Очко? Это такая дыра в полу, это уборная. Я не понимаю, где вы жили, Соломон?! Волков: В это время уже жил в Ленинграде, в том же самом городе, где и вы, в интернате музыкальной школы при консерватории. И такого слова — «очко» — никогда не слышал.

Зато удаленность собеседника Бродского от народа позволяет ему уточнить одни реалии («Гуталин» — прозвище Сталина, например) и получить ответ поэта при попытке залезть в какие-то факты, вроде гонений на него советской власти: «Человек не должен позволять себе де-

лать предметом разговора то, что как бы намекает на исключительность его существования», — аристократически обрывает Бродский заходы Волкова.

Книга полна дыхания знаменитого поэта, его легко узнаваемой интонации с вопросительными «да?» в конце длинной фразы по восходящей. Нельзя интеллектуально распускать себя до высказывания обобщений — вот еще одна из множества мыслей, высказанных Иосифом Бродским. В диалогах с Соломоном Волковым он ей следует, живо и подробно отзываясь на такие детали и частности, которые и придают книге несомненное очарование и точность биографического источника. Чем дальше от кончины поэта, и тем это обретает все большее значение.

Игорь ШЕВЕЛЕВ